

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ¹

*Сильный немецкий язык следует передавать
сильным английским языком.*

Ф.Энгельс. «Как не следует переводить Маркса»

У Карла Крауса есть афоризм: «Я владею чужими языками, а мною владеет мой». Когда меня приводит в восторг стихотворение на другом языке, мне хочется перевести его на свой родной язык – русский. Так я и делаю.

Чаще всего начинаю переводить не в результате сознательного решения, а просто потому, что стихотворение «зацепило» и требует его перевести. И только когда перевод в общих чертах уже готов, тогда действительно требуется сознательное решение: заставить себя отшлифовать его. Иногда это занимает несколько минут, чаще несколько дней, нередко несколько лет (с перерывами, конечно). Далеко не все удается довести до конца, многое откладывается «на когда-нибудь». Золотое правило я сформулировала для себя так: нельзя останавливаться на сороковом варианте, надо идти дальше.

Переводы по заказу удаются редко, хотя случаются очень приятные исключения.

¹ Эта статья была опубликована вместе с подборкой переводов в израильской газете «Вести» от 13.2.2003 (приложение «Окна»).

Изобретать велосипед не приходится, поскольку можно опираться на советскую школу перевода. Когда мне было 17 лет, уже живя в Израиле, я раздобыла несколько сборников из серии «Мастерство перевода» со статьями С.Маркиша, Т.Гнедич, В.Левика, Н.Заболоцкого, М.Лорие, Л.Гинзбурга, и училась по ним. Вот вкратце принципы этой школы, как я их понимаю. Буквальная точность ничего не стоит, если перевод получается неуклюжим: нужно стремиться к тому, чтобы перевод был прекрасен в той же степени, что и оригинал. Но и отступления от буквы подлинника простительны далеко не всегда и требуют продуманных объяснений. Нужно разобраться, что в стихотворении (и в каждой строчке) более важно, а что второстепенно, – и бережно сохранять первое за счет второго. (Важным может оказаться что угодно и в любом сочетании: печальная интонация, симметричное построение, игра слов, аллитерации, изысканные рифмы, неожиданная концовка.) В особых случаях оправдан даже отказ от размера подлинника ради сохранения более важных элементов. Что касается игры слов, то нужно стараться передать ее в переводе, но это не обязательно должны быть те же самые слова, что в подлиннике: важен эффект, а не буквальность.

Кроме того, конечно, есть еще некоторые вещи, за которыми приходится следить – например, избегать анахронизмов. (Однажды я в переводе Катулла употребила слово «экспромт»; А.М. Прат поправил: «Это совсем другая эпоха».) По выражению М.Л. Гаспарова, ученицей которого мне хотелось бы себя считать, – нужно «стараться не заслонять собой подлинник от читателя». В том числе – стараться не приписывать автору не только своего стиля, но и своих взглядов. Это кажется само собой разумеющимся, но удается не всегда.

Иногда я бралась за перевод не после встречи с самим стихотворением, а после того, как читала разборы существующих его переводов. Например, есть статья Анатолия

Якобсона о двух переводах 66-го сонета Шекспира (Маршак: «Зову я смерть: мне видеть невтерпеж / достоинство, что просит подаянья...»); Пастернак: «Измучась всем, я умереть хочу. / Тоска смотреть, как мается бедняк...»). Якобсон сравнивает их и решительно предпочитает перевод Пастернака. Меня же эта статья убедила в том, что оба перевода, каждый по-своему, отражают какие-то стороны подлинника, но для более полного впечатления хорошо бы перевести этот сонет заново.

Мне очень интересно, как работают другие переводчики: воспринимают ли прежние переводы как приглашение попробовать свои силы или предпочитают целину. За собой знаю: когда перевожу стихи, которые еще не переводились на русский, то часто получается хуже, чем если идти вслед за предшественниками. Не потому, что это дает возможности для плагиата, а по другой причине. Точные и добросовестные переводы – даже если сами по себе не вызывают восторга – поднимают планку, которую должен преодолеть следующий переводчик. Поэтому, мне кажется, в защиту многих старых переводов должно быть сказано следующее: без них не появились бы новые.

Мне кажется, ключевое слово переводческой работы – «приближение». Каждый перевод – это шаг, приближающий иноязычного читателя к подлиннику, причем обычно не по прямой, а зигзагом: по словам М.Л. Гаспарова, стремление к точности и стремление к вольности сменяют друг друга в разные культурные эпохи, как шаги правой и левой ногой.

Вот история переводов на русский язык римского поэта Катулла. Сначала, в XVIII-XIX вв., его переводили очень вольно, часто с рифмами (которых в античности не было). Затем явился перевод Фета, буквалистический и очень тяжеловесный («*Может достигнуть хотя нечто и нашей тоски...*»). Однако после этого буквализма прежние вольности были уже невозможны.

Следующий зигзаг: в переводах А. Пиотровского, работавшего в первые десятилетия XX века, появились естественные интонации живого голоса. Правда, на сегодняшний слух этот живой голос нередко фальшивит: переводчика, так сказать, заносило, и у него появлялись то украинизмы («*Целий, чуешь?*»), то сбои интонации – например, преувеличения («*Ненаглядная крошка Ипситилла, милый птенчик мой, радость золотая!*») – там, где латинский поэт не восхищается, а уговаривает: «Сладкая Ипситилла, радость моя, прелесть моя...»).

За ним – следующий зигзаг – последовал С. Шервинский, в основном продолжавший традицию академического буквализма, но – после Пиотровского – уже совсем на другом уровне по сравнению с Фетом.

В последние десятилетия появилось несколько новых переводчиков, которые на разные лады стремились «оживить» Катулла и нередко грешили сползанием в «*пьяный романьонский матерок*» или «*сортир на Курском вокзале*» (как написал однажды Р. Нудельман), но порой они попадают в десятку: таков, например, «Аттис» в переводе М. Амелина.

И когда я переводила Катулла, то старалась учитывать опыт прежних переводчиков, учиться на их ошибках (или том, что мне казалось ошибками) и приблизиться к подлиннику, балансируя между легкостью речи (а значит – вольностью перевода) и верностью оригиналу (то есть буквализмом). Но на самом деле, наверное, в моих переводах все-таки заметен перекосяк в сторону вольности...

Выше я перечислила принципы советской переводческой школы, которые представляются бесспорными. Но в некоторых вопросах единодушия нет. Это, в частности, вопрос о степени архаизации перевода. Должен ли перевод быть таким же живым и естественным, каким казался оригинал автору и его современникам, скажем, триста лет назад? Или же он должен быть архаичным и величествен-

ным, каким он видится сегодня носителям данного языка? Мнения профессионалов расходятся. Например, одно из мнений гласит, что переводы с живых языков должны соответствовать впечатлению современных носителей, а переводы с мертвых языков, не имеющих современных носителей, должны звучать, парадоксальным образом, более современно – то есть Шекспир должен звучать по-русски архаичнее Горация, вопреки хронологии.

В этом споре мне ближе мнение тех, кто считает, что задача переводчика – воссоздать подлинник, как он звучал для автора и его современников. Если язык автора был живым и естественным для своего времени, то лучше, чтобы и перевод для нас звучал так же, независимо от того, какие изменения произошли с тех пор в языке и как воспринимают этого автора сегодняшние читатели. Это значит, что нужно переводить архаичным стилем только те произведения, которые и в подлиннике написаны архаичным для своего времени языком. А остальные произведения я пытаюсь переводить так, чтобы читателям казалось, будто они написаны не столетия назад, а в наши дни.

Рахель Торпусман
Иерусалим, 2003

С НЕМЕЦКОГО

Генрих Гейне

(1797 – 1856)

* * *

Когда я иду по улице
И издали вижу твой дом,
Такая радость, малышка,
Увидеть тебя за окном.

Глазами своими карими
Ты наблюдаешь за мной:
«Странный больной чужестранец,
Кто ты, и что с тобой?»

– Я, детка, немецкий писатель,
Известный в немецкой стране.
Кто называет лучших,
Тот скажет и обо мне.

А что со мной? – да то же,
Что со многими в той стране...
Кто говорит о страдании,
Тот говорит обо мне.

АЗРА

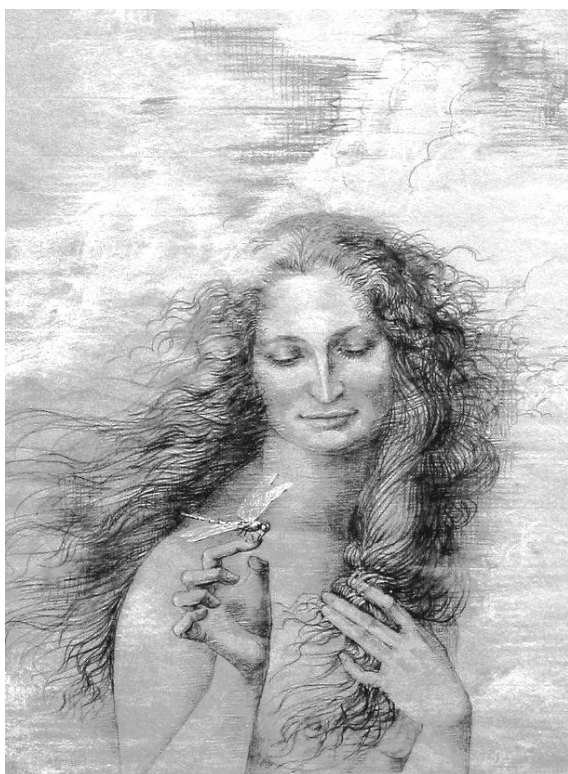
Каждый вечер дочь султана,
Дева красоты волшебной,
Проходила у фонтана
С тихо льющейся водою.

Каждый вечер у фонтана
С тихо льющейся водою
Юный раб стоял недвижно,
Все бледнее каждый вечер.

И однажды дева, быстро
Подойдя к нему, спросила:
– Кто ты? Из какого рода?
Где страна твоя родная?

– Я из Йемена, – ответил
Раб, – зовут меня Мохаммад,
А народ мой – племя Азра,
Те, что гибнут, если любят.

С ФРАНЦУЗСКОГО

Поль Верлен

(1844 – 1896)

ТОСКА

Грусть ни о чем
Заполняет мне сердце.
Дождь за окном,
И тоска ни о чем.

Дождик поет,
Словно хочет утешить,
Льет, и течет,
И негромко поет...

Такая тоска,
Что я сам себе мерзок...
Сердце в тисках,
И такая тоска!

Отчего, почему?
Что за адская мука –
Страдать самому
И не знать, почему!

ИСКУССТВО ПОЭЗИИ

Доверься музыки гипнозу,
Найди нечетный, легкий ритм,
Который в воздухе парит
Без всякой тяжести и позы.

Не ставь перед собою цель
Не сделать ни одной ошибки:
Пусть точное сольется с зыбким,
Как будто в песне бродит хмель! –

Так блещет глаз из-за вуали,
Так свет полуденный дрожит,
Так звездный хаос ворожит
Над холодом осенней дали –

И пусть меж зыблющихся строк
Оттенок, а не цвет, мерцает:
О, лишь оттенок обручает
Мечту с мечтой и с флейтой – роф!

Держись подальше от дотошной
Иронии и злых острот:
Слезами плачет небосвод
От лука этой кухни пошлой!

Риторике сверни хребет,
Высокий штиль оставь для оды,
И рифмам не давай свободы:
Они приносят столько бед!

С ФРАНЦУЗСКОГО

О, эти рифмы – просто мука!
Какой глухонемой зулус
Наплел нам этих медных бус
С их мелким и фальшивым звуком?

Стихи должны звучать в крови
И на внезапной верной ноте
Взмывать в неведомом полете
В иную высь, к иной любви.

Стихи должны быть авантюрой,
Звонящей в холоде ночном,
Что пахнет мятой и чабром...
Все прочее – литература.

Стефан Малларме
(1842 – 1898)

* * *

В твою историю войти
О, мне ли ставить на успех
Ступая босиком на мех
Травы на трепетном пути

Испуган лед – он не в чести
Как ни наивен этот грех
Он вряд ли вызовет твой смех
Но торжество ему прости

Смотри растерянный герой
Под гром рубиновых ступиц
Огонь, рассеяв царства черни

Буравит крылья колесниц
Как смерть багровой полосой
Моей единственной вечерни

Эдмон Ростан
(1868 – 1918)

**СТАНСЫ ИЗ ПЬЕСЫ
«ДАЛЕКАЯ ПРИНЦЕССА»**

Это проще всего –
Полюбить существо
С рыжей, русой иль черной косой.
Кто же в них не влюблен!
Ну а я покорён
Лишь Далекой Принцессой одной.

Это легче всего –
Ублажать естество,
Миловаться с подругой земной,
Верным быть без труда...
Я же верен всегда
Лишь Далекой Принцессе одной.

Ибо слаще всего –
Не беря ничего,
Безответной любовью гореть,
Только ею дышать,
И шептать, и мечтать,
И Далекую Деву воспеть!

Ибо выше всего –
Обожать божество,
Открывая простор бытия!
Жизнь – не жизнь без мечты,
И мечта моя – ты,
О далекая радость моя!

Анри Контэ
(1904 – 1998)

ПАДАМ, ПАДАМ...

Меня, целиком захватив,
Преследует старый мотив,
Пришедший из прошлого звук,
Заигранный тысячей рук.
Он мучит меня и терзает,
И только открою я рот,
Как он меня перебивает,
И мне говорить не даёт,
И поёт,

словно зовёт:

Падам, падам, падам!
Неотступно бежит он за мной.
Падам, падам, падам!
Он меня наполняет тоской.
Падам, падам, падам!
Как вернуть мне душевный покой?
Он летит и смеётся, меня скрутив,
Проклятый этот мотив!

Смеется и шепчет: «Давай,
Любови свои вспоминай.
Давно разрыдаться пора тебе
Над тем, что ты носишь в себе».
И я вновь и вновь вспоминаю,
Как молодость бьет в барабан,

И передо мной проплывает
Весь мой комедийный роман:
Всякий раз –
 самообман...

Падам, падам, падам!
Это ворох бредовых страстей...
Падам, падам, падам!
Это мусор дешевых речей...
Падам, падам, падам!
Это шепот любовных ночей –
И всё для того, чтоб нарваться вдруг
На этот всё помнящий звук!

Падам, падам, падам...
Посмотри, до чего я дошла!
Падам, падам, падам...
Вся прошедшая жизнь ожила!
Он сожжет меня скоро дотла –
Не случайно он встретился мне в пути,
И от него не уйти!

Жорж Брассенс

(1921 – 1981)

УМЕРЕТЬ ЗА ИДЕЮ

Идея умереть за светлую идею
Бесспорно хороша – а я-то и не знал,
И раз чуть не погиб от рук живущих ею
За то, что я ее не слишком разделял.
Я понял, и с тех пор чистосердечно каюсь:
Я понял, что она бесспорно хороша!
От заблуждений всех охотно отрекаюсь,
Я умереть готов – но только не спеша.

Зачем спешить туда, куда всегда успею?
К тому же поспешишь – и насмешишь людей,
И выберешь не ту пресветлую идею,
Поскольку на земле полным-полно идей.
Представь себе, мой друг: ты умер за идею –
А через год она не стоит ни гроша!
Обидно, черт возьми! Так будем же мудрее,
И с радостью умрем – но только не спеша.

Когда бы рай земной оплачивался кровью –
Давным-давно уже мы жили бы в раю!
Кто к гибели зовет – пусть гибнет на здоровье,
Приносит в жертву жизнь – свою, а не мою.
История полна резни и эшафотов,
Старуха-Смерть идет, косою нас кроша...
Зачем же нам самим ей облегчать работу?
Я целиком за смерть – но только не спеша.

С АНГЛИЙСКОГО

Вильям Шекспир

(1564 – 1616)

СОНЕТ 66

Устал я жить. Смотреть не вмоготу,
Как совесть продают за медный грош,
Как праведник впадает в нищету,
Как силу обессиливает ложь,

Как растлевает чистоту разврат,
Как подлой дряни воздают почет,
Как совершенство топчут и хулят,
Как вдохновенью затыкают рот,

Как над святым глумится жалкий шут,
Как власть над мудростью дают ослу,
Как нагло правду глупостью зовут
И как добро послушно служит злу...

Проклятый мир! Ушел бы из него,
Но не бросать же друга – одного.

СОНЕТ 73

То время года видишь ты во мне,
Когда на голых мерзнущих ветвях
Два-три листка трепещут в тишине,
Сменившей сладостное пенье птах;

Ты смотришь на меня и видишь час,
Когда уже чернеет небосвод,
Когда закат уже почти погас
И Ночь, двойница Смерти, настаёт;

Во мне ты видишь миг, когда костер
Вот-вот на куче пепла догорит:
То, что его питало до сих пор,
Его неумолимо истребит...

Ты видишь, что разлука так близка –
Но тем сильнее любишь старика.

СОНЕТ 130

В глазах моей подруги солнца нет,
Нет на ее щеках дамасских роз,
Зато на голове растет букет
Не золотых, а угольных волос;

Нимало не похож на фимиам
Идущий изо рта зловонный дух;
Хоть я люблю внимать ее речам,
Но музыка приятнее на слух;

Хоть поступи богинь я не видал,
Ее походка явно тяжелей;
Уста моей подруги – не коралл,
И снег куда белей ее грудей;

Но я ручаюсь, что она красива,
Как и любая из воспетых лживо.

Джордж Этередж
(1635 – 1691)

**ДАМЕ, СПРОСИВШЕЙ АВТОРА,
ДОЛГО ЛИ ОН БУДЕТ ЕЕ ЛЮБИТЬ**

Сколь долгой будет наша страсть –
То скрыто, Селия, от нас;
Быть может, суждено пропасть
Всей нашей неге через час:
Ведь неизменная любовь
Бывает только у богов.

А мы не боги. Посему,
Покуда не угас наш пыл,
Стремиться нужно лишь к тому,
Чтоб каждый миг приятен был.
Ведь глупо было бы решить,
Коль смертны мы – совсем не жить!

Вильям Блейк

(1757 – 1827)

ТИГР

Тигр, сверкающий, горящий
Черной ночью в черной чаше!
Мановеньем чьей руки
Зажжены твои зрачки?

Ты чудовищно прекрасен,
Ты воистину ужасен!
На каких крылах парил
Тот, кто это сотворил?

Кто чертил твоё сложенье?
Кто лепил твои движенья?
Кто решился жизнь вдохнуть
В эту огненную грудь?

Кто ковал твой мозг зловещий?
Что за молот? что за клещи?
Что за страшный взор следил
За извивом гибких жил?

И, закончив труд свой к ночи,
Улыбнулся ли твой зодчий?
Неужели это был
Тот, кто агнца сотворил?